

СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЁННОСТЬ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ В РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИЗМЕРЕНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-05007 «Социально-экономический потенциал армянской диаспоры в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС»

Г. И. Осадчая¹, Е. Ю. Киреев¹,
М. Л. Вартанова¹, М. В. Рославцева¹

¹Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1

Для цитирования: Осадчая Г. И. Социальная сплочённость армянской диаспоры в России: теория и практика измерения / Г. И. Осадчая, Е. Ю. Киреев, М. Л. Вартанова, М. В. Рославцева // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 2. С. 87–104. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.2.9030. EDN: PDVJJB

Аннотация. Социальная сплочённость армянской диаспоры в России – важнейшее условие обеспечения её благополучия, жизнеспособности, стабильности повседневной жизни, создания условий для реализации социально-экономического потенциала в интересах России и Армении. Однако, несмотря на внимание к изучению различных аспектов её функционирования как этнокультурного и этнополитического феномена, эта проблема осталась вне российского научного дискурса. Цель статьи – показать механизмы формирования сплочённости, социальных связей, альтруистического поведения, раскрыть формы обмена, взаимодействия, сотрудничества в интересах удовлетворения потребностей членов армянской диаспоры как способа капитализации доверия, основанного на сходстве интересов и осознании себя особенной этнической группой.

Методология изучения социальной сплочённости армянской диаспоры в России обусловлена спецификой изучаемого предмета, авторским исследовательским подходом к измерению данного феномена, целью исследования, а также теоретическими конструктами социальной сплочённости, позволяющими более чётко артикулировать полученные результаты. Методическая стратегия включает анкетный опрос 1273 членов армянской диаспоры в Московской агломерации, Краснодарском и Ставропольском краях.

В статье предложена многомерная модель оценки социальной сплочённости армянской диаспоры в России, представляющая систему критериев, характеризующих её существенные признаки, которая включает субъективные репрезентации и поведенческие аспекты взаимопомощи и взаимодействия членов диаспоры.

На основании анализа эмпирических данных о социальной сплочённости армянской диаспоры России выделены четыре группы: центральная – наиболее многочисленная, представляющая сплочённое ядро, две периферийные (отчуждённые и неопределившиеся в оценке степени сплочённости армянской диаспоры) и маргинальная.

Измерение сплочённости диаспоры на материале количественного эмпирического исследования представляет собой сложность и имеет ограничения. Однако оно позволяет избежать субъективности выводов исследований, проводимых на небольших выборках, прояснить не только состояние, но и причины, последствия, что является продуктивным для оценки социальной сплочённости армянской диаспоры.

Ключевые слова: социальная сплочённость; диаспора; доверие; взаимодействие; помогающее поведение; социальные границы; идентичность

Постановка проблемы

Армянская диаспора в России возникла в начале XIV века, постепенно увеличиваясь. К 2010 г., согласно переписи населения в Российской Федерации, она была представлена 1 182 388 армян¹. Начиная с 2015 г. — года вступления Армении в Евразийский экономический Союз (ЕАЭС) — статистика фиксировала стабильность показателей количества прибывших в Российскую Федерацию и даже рост в 2019 г., вплоть до «ковидного» 2020 г. (2015 г. — 45 670; 2016 г. — 43929; 2017 г. — 46898; 2018 г. — 46442, 2019 г. — 71984 кол. чел.)², что косвенно свидетельствовало о сохранении численности армянской диаспоры. 2021 г. кардинально изменил ситуацию. За три квартала из Армении выехало около 3% (103 000 человек) от всего населения страны³. Армения вошла в тройку постсоветских стран, давших наибольший миграционный прирост России, наряду с Таджикистаном и Украиной⁴. Это, а также вхождение Армении в ЕАЭС, формируют новую социальную реальность, изменившую роль, место армянской диаспоры в России, что актуализирует научный анализ армянской диаспоры как этнокультурного и этнополитического феномена.

Тема армянской диаспоры всегда находилась в поле зрения учёных. Так, в последние пять лет в научных работах анализировались вопросы о роли диаспоры в интеграционной политике Европейского Союза [8, с. 103–109], развитии национально-культурных сообществ города и формирования условий, позволяющих сохранять национальное достоинство и самосознание на базе национальной консолидации народов России [6, с. 103–109], об особенностях диаспоры как «пограничного» культурного феномена, формирующегося на основе взаимодействия диаспоры, принимающего и отдающего общества [19, с. 249–252], о разнообразии, многослойности старейшей мировой армянской диаспоры, сформировавшийся в результате многовековых миграций, о процессах

¹ Федеральная служба государственной статистики. Международная миграция. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.02.2022).

² Федеральная служба государственной статистики. Международная миграция. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Дата обращения: 05.02.2022).

³ Меджлумян А. В Армении наблюдается резкий рост оттока населения. Nov 9, 2021. URL: <https://russian.eurasianet.org/в-армении-наблюдается-резкий-рост-оттока-населения> (дата обращения: 19.01.2022).

⁴ В России приготовились к рекордному приросту мигрантов. URL: <https://lenta.ru/news/2021/10/26/demogr/> (дата обращения: 19.01.2022).

формирования армянской диаспоры в России и, главным образом, в Москве [4, с. 102–114]. В статьях проанализированы основные концептуальные подходы к теоретической интерпретации понятия «диаспора», темпоральные диаспоральные характеристики, выталкивающие миграционные факторы, институционализация диаспоральных связей, роль армянской диаспоры и церкви в принимающих обществах [14, с. 188–194], в том числе в политических процессах [15, с. 128–136], рассмотрена политика интеграции армян в ЕС и США, а также диаспоральная политика армянского народа, представленного в разных точках мира [3, с. 567–573], влияние армянской диаспоры на международную деятельность Армении [10, с. 128–134], перспективы социально-демографических и этнокультурных ориентаций армянской молодёжи [13].

Как видно, эмпирическая оценка социальной сплочённости армянской диаспоры в РФ учёными в последние годы не предпринималась. Хотя противоречие между потребностью в обеспечении благополучия и стабильности повседневной жизни диаспоры, её жизнеспособности, в создании лучших условий для реализации своего социально-экономического потенциала в интересах России и Армении и вызовами больших городов, наиболее привлекательных для мигрантов из Армении, все эти годы сохраняется.

Ограниченность научного знания и понимания процессов, протекающих в армянской диаспоре России, её социальной сплочённости может быть преодолена посредством комплексного изучения особенностей функционирования и социальных взаимодействий армянской диаспоры.

Цель: показать механизмы формирования сплочённости, социальных связей и альтруистического поведения, раскрыть формы обмена, взаимодействия, сотрудничества в интересах удовлетворения потребностей членов армянской диаспоры как способе капитализации доверия, основанного на сходстве интересов и осознании себя особенной этнической группой.

Методология и методика исследования

Обычно под диаспорой понимают любое живущее в инородном окружении этническое или конфессиональное меньшинство, объединённое общим самосознанием, которое выражается в чувстве групповой солидарности, обладает институтами внутренней консолидации. Её рассматривают в связи со страной исхода и страной нового места жительства (государство, культурно-исторический регион), полагая, что она как достаточно долговременная общность в перспективе может исчезнуть или трансформироваться в общности иного рода – субэтноты, касты и т. д. [1; 9; 11; 16; 18; 23; 24].

Мы принимаем эти определения и в исследовании понимаем под феноменом «армянская диаспора России» специфическое социально-культурное образование, темпорально и территориально ограниченное проживанием в России, разделённое по степени социальной сплочённости на дисперсные группы.

Сложность категории «социальная сплочённость» обуславливает многообразие подходов к её определению. Она может пониматься в терминах общего благосостояния, социального равенства и инклюзивности, а также в контексте социальной мобилизации, взаимовыгодности и взаимопонимания, как властный ресурс. Подробный обзор этих подходов дан в статье Е. Р. Ярской-Смирновой и В. Н. Ярской [22, с. 41–61].

Важные дополнения к анализу современных подходов социальной сплочённости даны в статье Р. А. Садыкова [12, с. 16–32]. Здесь раскрываются классические теоретические интуиции сплочённости, сплочённость как привлекательность группы, обсуждаются проблемы определения данной категории в связи с развитием эмпирических исследований как процесса или состояния, соотношения социальной сплочённости и социального капитала, многомерности социальной сплочённости, анализируются работы с позиции различения индивидуального и группового уровней социальной сплочённости, взаимозависимости на основе общей задачи.

Учитывая, что социальная сплочённость в разных теориях представлена множеством концептов, за которыми стоят разные трактовки и нет общей сущности, мы в рамках предварительной работы, предшествующей исследовательской практике, при определении содержательного наполнения ключевого понятия «социальная сплочённость армянской диаспоры» и исследовательского подхода к измерению данного феномена руководствовались спецификой изучаемого предмета, целью нашего исследования, предполагаемой тактикой и методической стратегией, позволяющих решить поставленные задачи, а также учитывали теоретические положения учёных, которые с нашей точки зрения позволяют наиболее полно раскрыть тему проекта. Среди них Э. Дюркгейм [5], А. де Токвиль [17], М. Вебер [2], Дж. Ханифан [28]. Особенного внимания в нашем случае заслуживают представления о сплочённости в контексте формирования социального капитала Р. Патнэма [31]. Стоит отметить и ряд других современных исследователей, занимающихся разработкой данной проблематики в перспективе кооперации, вызовов, инклюзивности – А. Хемерийк [29], Р. Оксоби [30], Г. Э. Галабузи, Ч. Тилуксингх [27]. Важными для нас являются также представления Дж. Брюн и С. Бадж [25; 26] о значимости динамических свойств социальной сплочённости и её процессуальности, а также о важности её культурных свойств (Э. Хобсбаум) [21].

Под социальной сплочённостью армянской диаспоры в России в нашем исследовании мы понимаем динамический групповой процесс, характеризующий степень интеграции диаспоры, выраженный в субъективных суждениях и установках, системе внутригрупповых связей, общей согласованности и взаимовыгодности группового поведения. При этом мы исходим из того, что оценка степени или уровня сплочённости диаспоры ситуационна и динамична.

Социальная сплочённость армянской диаспоры имеет инструментальную и социально-значимую ориентацию, так как члены диаспоры с одной стороны взаимодействуют ради сохранения языка, этнонациональной культуры, конфессиональной принадлежности, этнического самосознания, с другой – оказывают помощь членам своего сообщества; обеспечивают чувство принадлежности к сообществу. Мы полагаем, что общие проблемы, попытка искать способы их решения формируют правило, согласно которому оказывается содействие другим, чтобы, в случае необходимости, иметь возможность самому обратиться за помощью.

Используемая исследовательская модель соответствует многомерности феномена социальной сплочённости. Мы рассматриваем социальную сплочённость армянской диаспоры как её свойство, а источник социальной сплочённости видим во взаимодействии между её членами. В центре исследования оказывается человек и его оценка сплочённости диаспоры.

Аналитическая конструкция социальной сплочённости и корпоративности включает субъективные репрезентации и поведенческие аспекты взаимопомощи членов диаспоры в поиске работы, в адаптации, финансовой поддержке, гражданской и этнической идентичностей членов армянской диаспоры, самоорганизации мигрантов из Армении в России, а также институциональные аспекты деятельности армянской диаспоры в России, характеристику социального капитала, социальных границ армянской диаспоры. Каждое измерение определяется развёрнутым списком индикаторов. Учитывая, что сплочённость рассматривается в конкретном обществе в определённый период времени в исследовании включены вопросы, связанные с отношением членов армянской диаспоры к процессам Евразийской интеграции и её перспектив.

Разработанная нами система показателей основана на индивидуальном уровне представлений о групповой социальной сплочённости. Исследование фокусируется на индивидуальных оценках и на межгрупповых взаимоотношениях.

Таким образом, наша многомерная модель измерения социальной сплочённости армянской диаспоры отражает систему критериев, представляющих собой ключевой набор показателей, характеризующих существенные признаки сплочённости армянской диаспоры и являющихся действительно определяющими для нашего понимания предмета изучения. Такой подход проясняет не только состояние, но и причины, и последствия сплочённости армянской диаспоры, является продуктивным для её оценки. Безусловно, измерение сплочённости диаспоры на материале количественного эмпирического исследования представляет собой сложность и имеет ограничения, но проводимые ранее исследования непосредственного взаимодействия членов армянской диаспоры на небольших выборках также ограничены в выводах и субъективны, поскольку редуцированы к взаимодействию лицом к лицу.

Методическая стратегия включает анкетный опрос членов армянской диаспоры в Московской агломерации, Краснодарском и Ставропольском краях в рамках проекта «Социально-экономический потенциал армянской диаспоры в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС». Опрошено в апреле-июне 2021 г. 1273 человека (в Московской агломерации – 658 человека, Краснодарском и Ставропольском краях – 310 и 305 человек соответственно), отобранных методом снежного кома по признакам: этническая принадлежность – армянин (армянка), приехавшие в Россию после 1990 г.

Результаты исследования

Структура армянской диаспоры в России включает достаточно широкий список групповых характеристик, характеризующий её многослойность. По мнению ряда исследователей, её гетерогенность негативно влияет на социальную

сплочённость общности, вызывает «внутренние межгрупповые напряжения в диаспоре», внутреннюю «разделённость на относительно стабильные дисперсные подгруппы» [20, с. 102–114]. Действительно, особенности армянской диаспоры просматриваются даже в нашей выборочной совокупности, сформированной по принципу снежного кома: по образованию, времени проживания в России (старые и новые армяне), месту проживания в Армении, трудовому и доходному статусу. И это естественно. Эмпирически армянская диаспора и не может быть однородной. Однако эта многослойность по вышеназванным признакам, вероятно, и особым культурным кодам каждой из этих групп, не означает её разрозненности, разобщённости или враждебности.

Несмотря на очевидную гетерогенность, 76,5% респондентов считают армянскую диаспору в России сплочённой, 83,5% — полагают, что большинство представителей армянской диаспоры всегда готовы прийти своим соотечественникам на помощь. Причём на эту оценку принципиальным образом не влияют сроки проживания в России и место рождения, регион проживания в России или в стране исхода респондента. Это даёт основания утверждать, что в армянской диаспоре поддерживаются правила альтруистического поведения, моральные принципы взаимодействия и взаимопомощи, которые сплачивают сообщество, увеличивая возможности участия всех в социально-экономической жизни России и Армении.

Важную роль в консолидации армянской диаспоры играют общественные объединения. Наиболее известными из них среди её членов являются Союз Армян, Армяне России, Ассоциация армянской молодёжи, Ассамблея армян. Знакомы с их деятельностью — 42; 31,4; 28,3; 17,4% (соответственно) членов диаспоры. Около половины опрошенных в последнее время сталкивалась с фактами поддержки со стороны армянских диаспоральных организаций в России при устройстве на работу, в получении жилья, медицинских и социальных услуг, урегулировании конфликтов, в том числе на почве межнациональной розни. А около 10% респондентов приходилось за последнее время самим обращаться в армянские диаспоральные организации в России по каким-либо вопросам, и подавляющее большинство оценивает свой опыт обращения как положительный. Чаще других в диаспоральные армянские организации в России обращались молодые люди в возрасте от 16 лет до 21 года и члены диаспоры, ведущие в России свой бизнес. Отметим, доверие 66,2% опрошенных существующим в России организациям и объединениям армян является основой сотрудничества, коллективного действия людей.

Показателями социальной сплочённости Армянской диаспоры являются не только социальная поддержка и доверие диаспоральным армянским организациям в России, но и то, насколько респонденты ощущают толерантность, уважение и доверие внутри принимающего общества. Для сплочённости армянской диаспоры важно согласие в представлениях о будущем России и Армении, единство оценок социально-политических процессов и явлений, то, с кем её члены себя идентифицируют.

Наше исследование фиксирует комплементарные отзывы большинства респондентов о своих соотечественниках, относительную солидарность в суждениях об одобрении создания на постсоветском пространстве Евразийского эко-

номического Союза (ЕАЭС), добровольности, взаимовыгодности вступления Армении в Евразийский Союз. Около 70% считают, что представители армянской диаспоры в России вносят существенный вклад в социально-экономическое развитие Армении и 65%, что армянская диаспора вносит существенный вклад в социально-экономические процессы в России, её социально-экономическое развитие.

При этом сохраняется открытость членов диаспоры российскому социуму, они не избегают контактов с другими идентичностями, взаимодействуют с другими этническими группами.

В случае появления проблем в России, за помощью или советом чаще всего обращаются к местным жителям, которых уже знают (49,2%), затем – к соотечественникам из Армении (26,5%), к местным властям (19,3%), в полицию (14,2%). То есть наиболее важным институтом в данной ситуации является институт добрососедства. Среди друзей в России у членов армянской диаспоры преобладают представители самых разных национальностей («я не различаю друзей по национальному признаку» – 56,2%), затем «русские» – 16,8%, «соотечественники из Армении, которые прибыли в Россию после 1990 года» – 16,4%, и после 2015 – 4,8%. Это взаимодействие обусловлено в некоторой степени миграционным опытом, сроком проживания в России (см. рис. 1).

Рис. 1. Друзья членов армянской диаспоры в России, %

Только 20% молодых армян в возрасте 22–30 лет не рассматривает для себя возможность вступления в межнациональный брак, полагают невозможным дать русское имя в будущем своему ребёнку.

Таким образом, границы этнического взаимодействия армянской диаспоры имеют социальную природу и описываются границей, акцентирующей своё внимание на взаимодействии и взаимообмене между различными этническими группами в России.

Потенциальное влияние на межгрупповую связанность диаспоры имеет участие её членов в виртуальных армянских онлайн-сообществах, в которые вовлечено от 41% (16 лет) до 36% (30 лет) молодых с последующим убыванием участников по возрастным группам, а также включённость в специализированные социальные сети, созданные для объединения армян по всему миру, например, ArmFriend, HyeConnect. Она составляет 15,6% респондентов в возрасте 16–17 лет и около 6% в возрастных группах 18–45 лет. Примерно четверть независимо от возраста опрошенных ежедневно посещает армянские новостные Интернет-ресурсы, 25% респондентов в возрасте 16–17 лет и ещё около 20% в остальных группах – один раз в неделю.

Определённый уровень сплочённости диаспоры характеризует общая идентичность. Её маркером может выступить отношение к армянскому языку. Как показывает наше исследование, знание армянского и русского языка членов диаспоры обусловлено миграционным опытом. Большинство тех, кто родился в России, не знает армянского (60%), но отлично владеет русским языком (92%). Более 80% армян, проживающих в России менее 10 лет, отлично знают армянский, а владение русским языком оценивают как отличное – 66%. С годами миграции улучшается знание русского языка и забывается армянский. Английский язык в активе сохраняется у каждого 6–7 опрошенного и его знание не зависит от срока пребывания в России (см. рис 2).

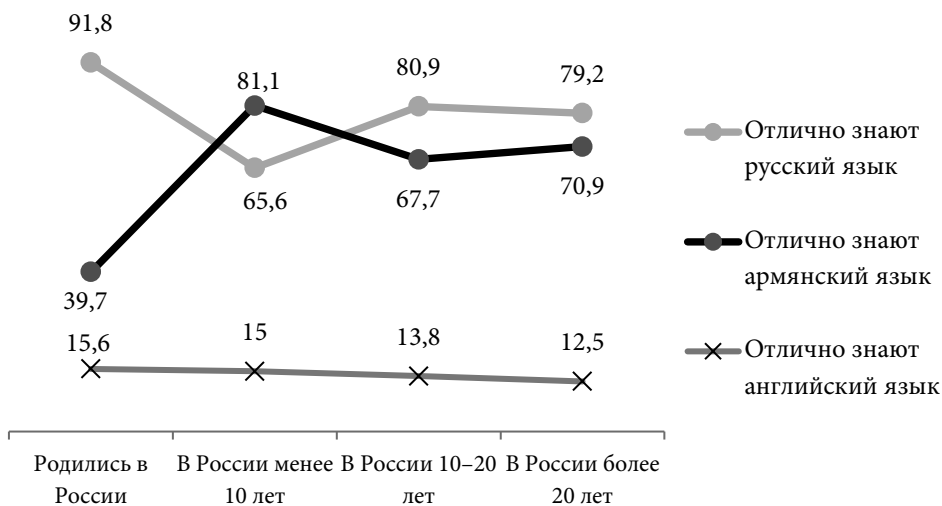

Рис. 2. Оценка респондентами степени владения армянским, русским, английским языками, %

Наши опрошенные обладают «многослойным набором идентичностей» (см. табл. 1), что можно объяснить их социальными и индивидуальными особенностями: влиянием социальной группы, к которой они принадлежат, специфической субъективной жизнедеятельности, индивидуальным психофизиологическим потенциалом и социальным контекстом.

Таблица 1

Идентичность членов армянской диаспоры, %

Официальное гражданство	Ощущают себя в первую очередь
Гражданин (-ка) России	Гражданин (-ка) России – 44 Членом своей семьи – 15 Представителем армянского народа – 15 Гражданин (-ка) Армении – 7 Гражданином/гражданкой мира – 6,3 Жителем/жительницей города, в котором живёте – 5,3
Гражданин (-ка) Армении	Гражданин (-ка) Армении – 45 Гражданин (-ка) России – 14,3 Представителем армянского народа – 10,2 Членом своей семьи – 7,1 Гражданином/гражданкой мира – 6,6 Жителем/жительницей города, в котором живёте – 6,6
Двойное гражданство: российское и армянское	Гражданин (-ка) России – 25,9 Гражданин (-ка) Армении – 16,2 Членом своей семьи – 19,8 Представителем армянского народа – 14,2 Жителем/жительницей города, в котором живёте – 9,1

Но, возможно, ещё более значимым для нашего анализа являются ответы на вопрос «Когда Вы смотрите в будущее, кем Вы себя видите в перспективе?» (см. рис. 3).

Как видим, около половины опрошенных планирует связать свою жизнь с Россией, около 10% – с Арменией, а 20% и с Россией, и с Арменией. Стоит отметить, что 13% опрошенных не определились со своим будущим, а 8% связывают свои профессиональные и личные устремления с переездом в третью страну.

Понятно, что 100% сплочённости армянской диаспоры, как, пожалуй, любого сообщества, достичь невозможно. Здесь в той или иной степени проявляются как социальная сплочённость её членов, так и социальная отчуждённость, наблюдаются согласие и разногласие по тем или иным вопросам жизнедеятельности, причины которых лежат в экономической, политической, социальной, этнической, культурной плоскостях.

Наше исследование, позволяет выделить в армянской диаспоре в России четыре группы: наиболее крупную – центральную, две периферийные группы и одну маргинальную. Первая – это сплочённое ядро, представляющее большинство армян (70–73% респондентов). Эта группа демонстрирует высокие значения таких переменных, как доверие, единство суждений, представляющих субъективный уровень сплочённости, так и совместного участия в решении вопросов жизнедеятельности диаспоры и повседневных проблем её членов, представляющих объективный уровень сплочённости (см. рис. 4).

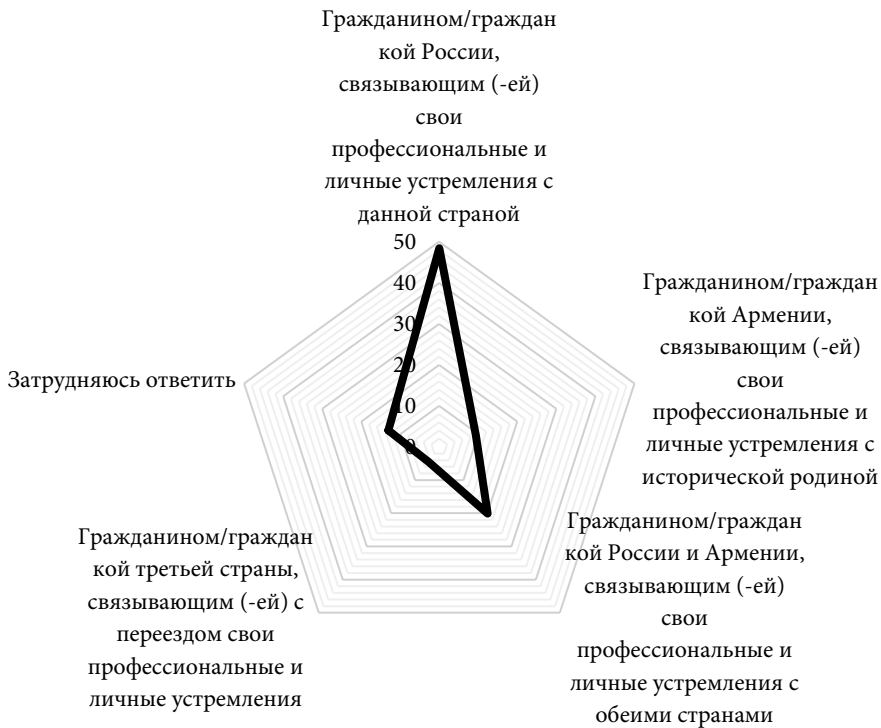

Рис. 3. Кем видят себя респонденты в перспективе, %

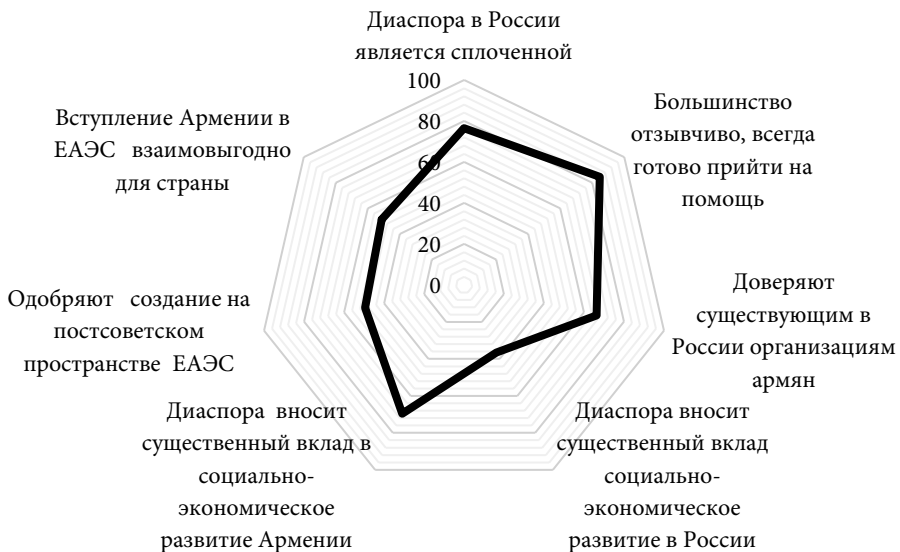

Рис. 4. Показатели социальной сплочённости центральной группы армянской диаспоры в России, %

Одна из периферийных групп (15–16%) армянской диаспоры характеризуется недоверием к сообществу, ключевым институтам и недостаточными инвестициями в воспроизводство социального капитала, что может свидетельствовать о недостаточной включённости (недостаточная социальная инклюзия) в социальную и экономическую жизнь сообщества и характеризовать особенности личностных свойств (см. рис. 5).

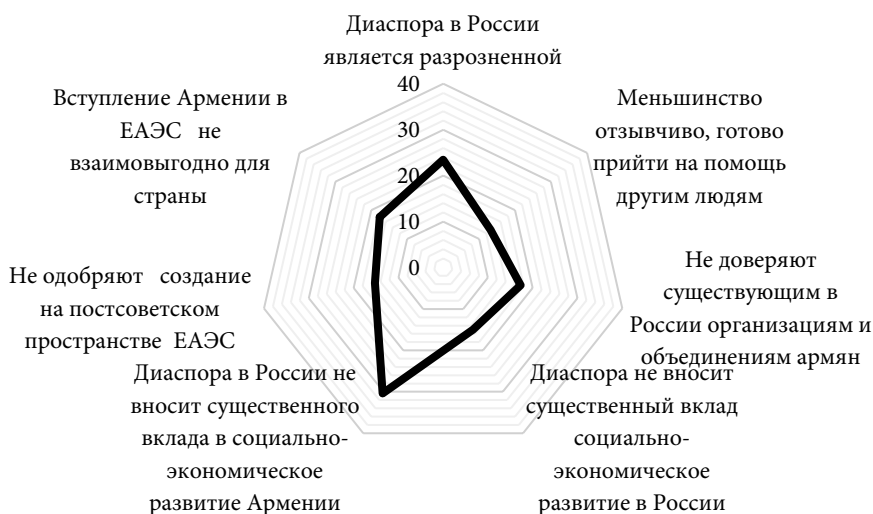

Рис. 5. Показатели социальной сплочённости периферийной группы армянской диаспоры в России, %

Третья группа также периферийная, представлена 8% респондентов. Это группа неопределившихся в своём отношении ко всем ключевым признакам сплочённости диаспоры, затруднившихся ответить на такие вопросы, как «Согласны ли Вы с утверждением, что армянская диаспора вносит существенный вклад в социально-экономические процессы в России, её социально-экономическое развитие?», «Вы в целом доверяете существующим в России организациям и объединениям армян?», «Одобряете ли Вы создание на постсоветском пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС)?» и т. д. И четвертая группа, которую мы отнесли к маргинальным, — это 3,5% опрошенных, члены которой не нашли друзей в России и не вписались в армянское сообщество («У меня нет друзей в России, в России помощи ждать не от кого»).

Следует отметить, что социально-демографическая, образовательная, социально-профессиональная структура каждой из групп примерно одинакова по полу, возрасту, месту рождения, образованию, социальному статусу. Исключением является более интенсивное представительство руководителей, квалифицированных работников в 1 группе, в оценках которых чаще звучали позитивные характеристики армянской диаспоры, свидетельствующие о её сплочённости.

Заключение

Вхождение Армении в состав Евразийского экономического союза, а также активизация миграционного обмена Армении и России в 2021 г., рост числа членов армянской диаспоры в РФ открывают новые возможности для реализации армянской диаспорой в России и Армении её социально-экономического потенциала. Проведённое исследование, в рамках которого разработана теоретическая концепция, модель эмпирического изучения, позволяющие изучить это сообщество в новых условиях, — представляет собой ответ на запрос об изучении феномена армянской диаспоры в условиях евразийской интеграции, её влияния на социально-экономические процессы в принимающей стране и стране исхода, её сплочённости и корпоративности как преимущества в экономической деятельности; изменения гражданской и этнической идентичностей; особенностей адаптации и интеграции; самоорганизации мигрантов, составляющих основу экономического процветания, культурной интеграции и политической стабильности диаспоры.

В рамках нашего эмпирического исследования сделан шаг в концептуальном определении ключевого понятия «социальная сплочённость армянской диаспоры», которое становится ресурсом для его многомерного измерения и интерпретации включающих: степень приверженности к армянской диаспоре её членов, степень её интеграции, степень совпадения оценок, установок и позиций группы по отношению к объектам, людям, идеям, событиям и прочему; характеристику системы внутригрупповых связей; согласованность поведения членов, степень привлекательности (полезности) группы для её членов. Предложены набор категорий, инструментарий, которые учитывают особенности диаспоры как этнокультурной общности, позволяют использовать предложенного подхода для изучения социальной сплочённости других объединений, мониторинга социальной сплочённости армянской диаспоры в разных странах, а также межстрановых сравнений сплочённости диаспор. В исследовании показаны механизмы формирования сплочённости, связей и альтруистического поведения, раскрыты формы обмена, взаимодействия с другими идентичностями, этническими группами, сотрудничества в интересах удовлетворения потребностей членов армянской диаспоры как способе капитализации доверия, основанного на сходстве интересов и осознании себя особенной этнической группой. В результате анализа эмпирических данных выделены четыре группы, представленные в армянской диаспоре: центральная — наиболее многочисленная, представляющая сплочённое ядро армянской диаспоры в России, две периферийные: отчуждённых и неопределившихся в своих позициях в оценке сплочённости армянской диаспоры и группа маргиналов.

Представленное исследование расширяет представления о процессах, протекающих в армянской диаспоре России, особенностей её функционирования.

Список литературы

1. *Авдашкин А. А.* Феномен диаспоры: методологические основы научного исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2 (357). С. 131–137. EDN TKZUKP.
2. *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–157.
3. *Геворгян О. З.* Фактор диаспоры в отношениях Армении с ЕС и США // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 6. С. 567–573. EDN SSAURN.
4. *Геворкян Г. Н.* Феномен гетерогенности армянской диаспоры Москвы (конец XX – начало XXI вв.): к постановке проблемы // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 1. С. 102–114. DOI 10.7256/2454-0609.2020.1.31883. EDN PYBEOY.
5. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
6. *Иманов А. Ч.* О возможности повышения эффективности коммуникаций национальных диаспор Санкт-Петербурга / *А. Ч. Иманов, В. В. Яновский* // Управленческое консультирование. 2017. № 8 (104). С. 103–109. EDN ZITRPF.
7. *Захарян И. Э.* Социальный капитал как концепция исследования современной диаспоры // Вестник СГУ. 2012. Т. 4, № 1 (68). С. 230–236. EDN PYXOVR.
8. *Молодикова И. Н.* Взаимодействие с диаспорами и диаспоральными организациями как ключ к успешной политике интеграции мигрантов в ЕС / *И. Н. Молодикова, Л. Л. Емельянова, А. В. Лялина* // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 58–79. EDN VAABUH.
9. *Осепян А. К.* Концепты и характеристики диаспоры в классическом и современном виде // Вестник ОГУ. 2013. № 7 (156). С. 68–76. EDN RASQLR.
10. *Папоян А. Р.* Роль армянской диаспоры в участии Республики Армения в международных делах на рубеже XX–XXI вв. // Международные отношения. 2018. № 2. С. 128–134. DOI 10.7256/2454-0641.2018.2.25965. EDN YKVYHJ.
11. *Полоскова Т. В.* Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. М.: Научная книга, 1999. 252 с.
12. *Садыхов Р. А.* Социальная сплочённость: критика определений и возможности для новой концептуализации // Социологический ежегодник 2015–2016. Сборник научных трудов / Отв. ред. О. А. Симонова, М. А. Ядова. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 16–32. EDN ZNYWWD.
13. Современная молодёжь Армении и России: социально-демографические и этнокультурные ориентации: [монография] / Р. А. Старченко [и др.]; отв. ред. Р. А. Старченко, Р. С. Карапетян; Ин-т этнологии и антропологии РАН; Ин-т археологии и этнографии ИА РАН. М.: ИЭА РАН, 2020. 193 с.
14. *Тирабян К. К.* Диаспора в системе международных отношений в современном мире (на примере армянской диаспоры) // Управленческое консультирование. 2017. № 5. С. 188–194. EDN YRNAVT.
15. *Тирабян К. К.* К вопросу об определении феномена диаспоры (на примере армянской диаспоры Российской Федерации) // Управленческое консультирование. 2018. № 2 (110). С. 128–136. DOI 10.22394/1726-1139-2018-2-128-136. EDN YUKBMY.
16. *Тишков В. А.* О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 3–22. EDN OXTBJN.

17. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992. 559 с.
18. *Тощенко Ж. Т.* Диаспора как объект социологического исследования / Ж. Т. Тощенко, Т. И. Чаптыкова // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33–42. EDN RAOHTR.
19. *Тучина О. Р.* Диаспора как пограничный феномен культуры // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. С. 249–252. EDN YQRMWTW.
20. *Фирсов Е. Ю.* Инварианты армянской диаспоры в российской провинции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5, № 2. С. 113–132. EDN OPRMWT.
21. *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62. EDN NYZEGX.
22. *Ярская-Смирнова Е. Р.* Социальная сплочённость: Направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики / Е. Р. Ярская-Смирнова, В. Н. Ярская // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 4. С. 41–61. EDN TDORZV.
23. *Anderson B.* Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. New York : Verso. 1991.
24. *Brah A.* Diaspora, border and transnational Identities. Edinburgh University Press. 2003.
25. *Bruhn J. G.* The group effect: Social cohesion and health outcomes. N.Y. : Springer, 2009. XII, 171 p.
26. *Budge S.* Group cohesiveness revisited // Group. 1981. Vol. 5, № 1. P. 10–18.
27. *Galabuzi G. E., Teelucksingh Ch.* Social cohesion, Social exclusion, social capital, region of peel immigration // Discussion Paper. February 2010. URL: <http://www.peelregion.ca/socialservices/pdfs/discussion-paper-1.pdf> (дата обращения: 19.11.2014).
28. *Hanifan L. J.* The rural school community center // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1916. № 67. P. 130–138.
29. *Hemerijck A.* Social cohesion, welfare recalibration and the European Union // Challenges of Social Cohesion in Times of Crisis. Ed. by M. Zupi and E. E. Puertas. Madrid : Editorial Complutense, 2010. P. 71–150.
30. *Oxoby R.* Understanding social inclusion, social cohesion and social capital. Economic Research Paper: 2009-09. URL: http://lcerpa.org/public/papers/LCERPA_2009-09.pdf (дата обращения: 19.11.2014).
31. *Putnam R D.* Education, diversity, social cohesion and 'social capital'. Dublin, Ireland : OECD Education Ministers; 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Осадчая Галина Ивановна, доктор социологических наук, профессор,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

E-mail: osadchaya111@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 118648

Киреев Егор Юрьевич, кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

E-mail: yegorkireev@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 638340

Варганова Марина Львовна, кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

E-mail: m.l.vartanova@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 680162

Рославцева Мария Васильевна, стажёр-исследователь,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru
AuthorID РИНЦ: 1137594

Дата поступления в редакцию: 08.02.2022. Принята к печати: 21.04.2022.

DOI: 10.19181/snsp.2022.10.2.9030

Social Cohesion of the Armenian Diaspora in Russia: Theory and Practice of Measurement

The research was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project No. 20-511-05007 "Socio-economic potential of the Armenian Diaspora in the context of integration processes in the EAEU".

Galina I. Osadchaya¹, Egor Y. Kireev¹,
Marina L. Vartanova¹, Maria V. Roslavtseva¹

¹Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS.
k. 1, d. 6, ul. Fotievoj, Moscow, Russia, 119333

For citation: Osadchaya G. I., Kireev E. Y., Vartanova M. L., Roslavtseva M. V. (2022). Social cohesion of the Armenian diaspora in Russia: theory and practice of measurement. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 10, № 2. P. 87–104. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.2.9030

Abstract. The social cohesion of the Armenian Diaspora in Russia is the most important condition for ensuring its well-being, vitality, stability of daily life, creating conditions for the realization of socio-economic potential in the interests of Russia and Armenia. However, despite the attention to the study of various aspects of its functioning as an ethnocultural and ethnopolitical phenomenon, this problem has remained outside the Russian scientific discourse. The purpose of the article is to show the mechanisms of formation of cohesion, social ties, altruistic behavior, to reveal the forms of exchange, interaction, cooperation in the interests of meeting the needs of members of the Armenian Diaspora as a way of capitalizing trust based on similarity of interests and awareness of oneself as a special ethnic group.

The methodology of studying the social cohesion of the Armenian Diaspora in Russia is determined by the specifics of the subject under study, the author's research approach to measuring this phenomenon, the purpose of the study, as well as the theoretical constructs of social cohesion that allow us to articulate the results more clearly. The methodological strategy includes a questionnaire survey of 1,273 members of the Armenian Diaspora in the Moscow agglomeration, Krasnodar and Stavropol Territories.

The article proposes a multidimensional model for assessing the social cohesion of the Armenian Diaspora in Russia, representing a system of criteria characterizing its essential features, which includes subjective representations and behavioral aspects of mutual assistance and interaction of diaspora members.

Based on the analysis of empirical data on the social cohesion of the Armenian Diaspora in Russia, four groups are identified: the central one is the most numerous, representing a cohesive core, the peripheral one is a group of the alienated, a group of undecided in assessing the degree of cohesion of the Armenian diaspora and marginals.

Measuring the cohesion of the diaspora based on the material of quantitative empirical research is difficult and has limitations. However, it allows avoiding the subjectivity of the conclusions of studies conducted on small samples, clarifying not only the state, but also the causes and consequences, which is productive for assessing the social cohesion of the Armenian Diaspora.

Keywords: social cohesion; diaspora; trust; interaction; helping behavior; social boundaries; identity

REFERENCES

1. Avdashkin A. A. (2015). Fenomen diaspor: metodologicheskie osnovy nauchnogo issledovaniya. [The phenomenon of diaspora: methodological foundations of scientific research]. *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 2 (357). Istoriya. Vyp. 62. P. 131–137.
2. Veber M. (1994). Osnovnye ponyatiya stratifikatsii. [Basic concepts of stratification]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. № 5. P. 147–157.
3. Gevorgyan O. Z. (2018). Faktor diaspor v otnosheniyah Armenii s ES i SShA. [The diaspora factor in Armenia's relations with the EU and the USA]. *Postsovetskie issledovaniya*. Vol. 1, № 6. P. 567–573.
4. Gevorkyan G. N. (2020). Fenomen geterogenosti armyanskoj diaspor Moskvy (konets XX – nachalo XXI vv.): k postanovke problem. [The phenomenon of heterogeneity of the Armenian Diaspora in Moscow (late XX – early XXI centuries): towards the formulation of the problem]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*. № 1. P. 102–114. DOI 10.7256/2454-0609.2020.1.31883.
5. Dyurkgejm E. (1994). *Samoubijstvo: Sotsiologicheskij etjud*. [Suicide: A sociological study]. M.: Mysl' publ. 399 p.
6. Imanov A. Ch., Yanovskij V. V. (2017). O vozmozhnosti povysheniya effektivnosti kommunikatsij natsional'nyh diaspor Sankt-Peterburga. [On the possibility of improving the effectiveness of communications of the national diasporas of St. Petersburg]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. № 8. P.103–109.
7. Zakharyan I. E. (2012). Sotsial'nyj kapital kak kontseptsija issledovaniya sovremennoj diaspor. [Social capital as a concept for the study of the modern diaspora]. *Bulletin of the SSTU*. № 4 (68). P. 230–236.
8. Molodikova I. N., Emel'yanova L. L., Lyalina A. V. (2018). Vzaimodejstvie s diasporami i diasporal'nymi organizatsiyami kak klyuch k uspehnoj politike integratsii migrantov v ES. [Interaction with Diasporas and Diaspora Organizations as the key to a successful policy of integration of migrants into the EU]. *Baltiiskij region*. Vol. 10, № 3. P. 58–79.
9. Osepyan A. K. (2013). Kontsepty i harakteristiki diaspor v klassicheskom i sovremennom vide. [Concepts and characteristics of the Diaspora in classical and modern form]. *Vestnik OGU*. №7 (156). P. 68–76.
10. Papoyan A. R. (2018). Rol' armyanskoj diaspor v uchastii Respubliki Armeniya v mezhdunarodnyh delah na rubezhe XX–XXI vv. [The role of the Armenian Diaspora in the participation of the Republic of Armenia in international affairs at the turn of the XX–XXI centuries]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*. № 2. P. 128–134. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.2.25965.
11. Poloskova T. V. (1999). *Sovremennye diaspor. Vnutripoliticheskie i mezhdunarodnye aspekty*. [Modern diasporas. Domestic and international aspects]. M.: Nauchnaya kniga publ. 252 p.
12. Sadykov R. A. (2016). Sotsial'naya splochnost': kritika opredelenij i vozmozhnosti dlya novoj kontseptualizatsii. [Social cohesion: Critique of Definitions and opportunities for new conceptualization]. *Sotsiologicheskij ezhegodnik 2015–2016. Sbornik nauchnyh trudov*. Ed. by O. A. Simonova, M. A. Yadova. M.: INION publ. P. 16–32.
13. *Sovremennaya molodezh' Armenii i Rossii: sotsial'no-demograficheskie i etnokul'turnye orientatsii* (2020). [Modern youth of Armenia and Russia: socio-demographic and ethno-cultural orientations]. Ed. by R. A. Starchenko, R. S. Karapetyan. M.: IEA RAN publ. 193 p.
14. Tirabyan K. K. (2017). Diaspora v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij v sovremennom mire (na primere armyanskoj diaspor). [The diaspora in the system of international relations in the modern world (on the example of the Armenian Diaspora)]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. № 5. P. 188–194.

15. Tirabyan K. K. (2018). К вопросу об определении феномена диаспоры (на примере армянской диаспоры Российской Федерации). [On the question of defining the phenomenon of the Diaspora (on the example of the Armenian Diaspora of the Russian Federation)]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. № 2. P. 128–136.
16. Tishkov V. A. (2005). О культурном многообразии. [About cultural diversity]. *Этнографическое обозрение*. № 1. P. 3–22.
17. Tokvil' A. de. (1992). *Демократия в Америке*. [Democracy in America]. М.: Progress publ. 559 p.
18. Toshchenko Zh. T., Chaptukova T. I. (1996). Диаспора как объект социологического исследования. [Diaspora as an object of sociological research] *Сотсиологические исследования*. № 12. P. 33–42.
19. Tuchina O. R. (2018). Диаспора как пограничный феномен культуры. [Diaspora as a borderline cultural phenomenon]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. № 1. P. 249–252.
20. Firsov E. YU. (2002). Инварианты армянской диаспоры в Российской провинции. [Invariants of the Armenian Diaspora in the Russian province]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii*. Vol. V, № 2. P. 113–132.
21. Hobsbaum E. (2000). Изобретение традиций. [The invention of traditions]. *Vestnik Evrazii*. № 1(8). P. 47–62.
22. Yarskaya-Smirnova E. R., Yarskaya V. N. (2014). Социальная сплочённость: Направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики. [Social cohesion: Directions of theoretical discussion and prospects of social policy]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii*. № 4. P. 41–61.
23. Anderson B. (1991). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. New York: Verso.
24. Brah A. (2003). *Diaspora, border and transnational identities*. Edinburgh University Press.
25. Bruhn J. G. (2009). *The group effect: Social cohesion and health outcomes*. N.Y.: Springer, XII, 171 p.
26. Budge S. (1981). Group cohesiveness revisited. *Group*. Vol. 5, № 1. P. 10–18.
27. Galabuzi G. -E., Teelucksingh Ch. (2010). Social cohesion, social exclusion, social capital, region of peel immigration. *Discussion Paper*. February URL: <http://www.peelregion.ca/socialservices/pdfs/discussion-paper-1.pdf> (date of access: 19.11.2014).
28. Hanifan L. J. (1916). The rural school community center. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. № 67. P. 130–138.
29. Hemerijck A. (2010). Social cohesion, welfare recalibration and the European Union. *Challenges of Social Cohesion in Times of Crisis*. Ed. by M. Zupi and E. E. Puertas. Madrid: Editorial Complutense. P. 71–150.
30. Oxoby R. (2009). Understanding social inclusion, social cohesion and social capital. *Economic Research Paper*. 2009-09 URL: http://lcerpa.org/public/papers/LCERPA_2009-09.pdf (date of access: 19.11.2014).
31. Putnam RD. (2004). *Education, diversity, social cohesion and 'social capital'*. Dublin, Ireland: OECD Education Ministers.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Osadchaya Galina Ivanovna, Doctor of Sociology, Professor,
Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: osadchaya111@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-2597-9724

ResearcherID: G-2163-2017

Scopus Author Id: 35737719800

Kireev Egor Yurevich, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher,
Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: yegorkireev@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5441-0430

ResearcherID: U-4398-2017

Scopus Author Id: 56712933700

Vartanova Marina Lvovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Leading Researcher, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: m.l.vartanova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9853-5817

ResearcherID: J-7641-2018

Roslavtseva Maria Vasilyevna, Trainee Researcher, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS,
Moscow, Russia.

E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3947-1793

ResearcherID: AAE-1252-2022

The article was submitted on February 08, 2022. Accepted on April 21, 2022.